

МЕДИЦИНСКИЙ ДИСКУРС В РАССКАЗЕ А. П. ЧЕХОВА «ВСТРЕЧА»

Кубасов А. В.

Уральский государственный педагогический университет,

г. Екатеринбург, Россия

E-mail: kudas2002@mail.ru

MEDICAL DISCOURSE IN A. P. CHEKHOV'S STORY «THE ENCOUNTER»

Kubasov A. V.

Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia

E-mail: kudas2002@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается освоение А. П. Чеховым медицинского дискурса и опыт включения его в преобразованном виде в ткань одного художественного произведения. Дискурсивные практики в рассказе «Встреча» обусловлены несколькими факторами. В начале 1887 года, когда рассказ создавался, Чехов внутренне готовился к сотрудничеству с авторитетными «толстыми» литературно-художественными журналами, для чего внимательно изучал публикуемые в них произведения. Одним из них стал очерк С. В. Максимова «Два пустосвята», опубликованный в журнале «Русская мысль» и посвященный анализу жизни двух реальных преступников. Доказательством знакомства с очерком служит эпиграф к «Встрече», взятый из очеркового текста. В том же номере журнала, одновременно с очерком Максимова, была опубликована реферативная научно-популярная статья В. В. Лесевича «Экскурсии в область психиатрии», которую Чехов тоже принимал во внимание при создании рассказа. Дискурсивные практики, воплощенные в этих жанрах, найдут отражение в произведении Чехова. Столь же важен медицинский аспект во «Встрече», обусловленный событиями начала 1887 года. В январе состоялся второй съезд русских врачей, на котором присутствовал Чехов. Там он мог услышать доклад С. С. Корсакова, одного из основоположников русской психиатрии. Отдельные положения работ ученого, опубликованные в 1887 году, косвенно отражаются в анализируемом рассказе. Существенную роль в нем играет и биографический дискурс. Он связан с поездкой Чехова к брату Александру в Петербург во время эпидемии тифа. Встреча братьев имплицитно экстраполируется на встречу героев в рассказе. В итоге «Встреча» представляет собой не просто очередной текст в творческой биографии писателя, а образец освоения им разнородных дискурсов. Гетерогенные дискурсивные практики, связанные с жанрами очерка, научно-популярной статьи, специальной медицинской публикации и неординарного биографического события в пространстве рассказа подвергались «снятию», обогащали его содержание, обуславливали его внутреннее укрупнение.

Ключевые слова: медицинский дискурс, жанр рассказа, А. П. Чехов, историко-культурный контекст, интертекстуальные связи.

Abstract. The article deals with A. P. Chekhov's development medical discourse and the experience of including it in a transformed form into the fabric of a single literary text. The discursive practices in «The Encounter» story are conditioned by several factors. At the beginning of 1887, when the story was being written, Chekhov internally prepared himself for cooperation with authoritative, the so-called thick, literary-art journals, and carefully studied the works published in them. One of them was the essay by S. V. Maksimov «Two Prude Talkers», published in «Russkaja Mysl'» (Russian Thought) journal and devoted to the analysis of the life of two real criminals. The epigraph to «The Encounter», taken from its text, serves as the proof of familiarity with the essay. In the same issue of the journal as Maksimov's essay, an abstract of popular science article «Excursions into the Field of Psychiatry» by V. V. Lesevich was published, it was also taken into account by Chekhov while he created his story. Discursive practices embodied in these genres are to be reflected in Chekhov's story. Equally important is the medical aspect of «The Encounter», stipulated by the events of early 1887. In January, Chekhov attended The Second Congress of Russian doctors. There he could hear the presentation of S. S. Korsakov, one of the founders of Russian psychiatry. Certain provisions of the scientist's works, published in 1887, are indirectly reflected in the analyzed story. Biographical discourse also plays an essential role in it. It is connected with Chekhov's trip to see his brother Alexander in St. Petersburg during the typhus epidemic. The meeting of the Chekhov brothers is implicitly extrapolated to the encounter of the characters in the story. As a result «The Encounter» is not just another text in the writer's creative biography, but an example of his assimilation of diverse discourses. Heterogeneous discursive practices associated with the genres of an essay, a popular science article, a special medical publication, and an extraordinary biographical event in the space of the story were subjected to «removal», enriched its content, determined its internal enlargement.

Keywords: Medical discourse, story as a genre, A. P. Chekhov, historical and cultural context, intertextual connections.

Медицинский дискурс в художественной литературе в последнее время привлекает к себе достаточно пристальное внимание как со стороны филологов, так и врачей [см.: 2; 14]. Особое место в этом направлении занимает доктор Чехов и его творчество [см.: 15].

В. А. Кошелев отмечает, что все произведения Чехова, подписанные медицинским псевдонимом – *Человек без селезенки*, «объединяет особенный, здоровый взгляд на окружающий мир. Особенно показательны в качестве "образчиков" этого здорового, не замутненного "хандрой" взгляда произведения позднего Чехова, являвшиеся под этим псевдонимом. <...> В 1887 году этот псевдоним появился только под юмореской "Весной"» [8, с. 60]. Кроме того, отмечено, что этот псевдоним, помимо комического звучания, имел еще и «серьезную семантическую составляющую "медицинского" характера». Указатели на медицинский аспект художественных произведений Чехова могли быть и не столь открытыми. Подчас они связаны с научными событиями и жизненными обстоятельствами писателя.

Чехов в течение всей жизни внимательно следил за новостями в области медицинской науки и практики. «4 января 1887 г. в Москве, в здании

Дворянского собрания, открылся второй съезд русских врачей имени Н. И. Пирогова. Вступительный доклад делал Н. В. Склифософский. С 4 по 11 января Чехов посещал заседания съезда» [Чехов. П. Т. 2, с. 345]. 5 января 1887 года в Политехническом музее открылся первый съезд российских психиатров. Вряд ли и это событие ускользнуло от внимания Чехова, так что не без основания письмо 17 января 1887 года к брату Александру он полушутя, полусерьезно подписал «Антоний и медицина Чеховы» [Чехов. П. Т. 2, с. 15].

«Встреча» была опубликована в газете «Новое время» 18 марта 1887 года. Эпиграфом к рассказу послужила фраза из очерка С. В. Максимова «Два пустосвята», вышедшего в том же 1887 году в февральском номере журнала «Русская мысль» [11, с. 18–42]. В том году Чехов внутренне готовился сотрудничать с «толстыми» литературно-художественными журналами. Брату Александру он признавался в письме 17 января того же года: «Хочется работать покрупнее, или вовсе не работать» [Чехов. П. Т. 2, с. 15]. Укрупнение предполагалось не только объемное, внешнее, но и внутреннее, содержательное. Одной из форм подготовительной работы писателя, очевидно, были своеобразные литературные «упражнения» по интериоризации чужого журнального опыта. Можно сказать и так, что для Чехова это было время активного художественного самообразования, литературной учебы на отдельных образцах современников. Жанровый состав «толстых» журналов конца XIX века был принципиально иной, чем юмористических изданий, активное сотрудничество с которыми у Чехова к этому времени закончилось. Писатель пытался расширить внутреннее пространство своих рассказов за счет освоения «сопредельных территорий», занимаемых другими жанрами с другими типами дискурсов. Для этого должен был осуществляться своеобразный перевод с языка одного жанра на другой. Рассказ «Встреча» дает возможность увидеть работу Чехова по привлечению содержательных ресурсов очерка, научно-популярной статьи и медицинских текстов для обогащения смысла рассказа.

Творчество Сергея Васильевича Максимова (1831–1901) Чехов высоко ценил. С его произведениями он познакомился, вероятно, еще в юности. В февральском письме 1896 года брат писателя, Александр Чехов, описывая в постскрипуме юбилейный обед в Петербурге, на котором был Максимов, апеллирует к их общему апперцептивному фону: «Помнишь С. В. Максимова (Год на севере?). Вчера, после юбилейного обеда...» [13, с. 322]. Чехов

помнил Максимова хорошо. В «Литературной табели о рангах», написанной годом ранее «Встречи», Максимов возведен в ранг «коллежского советника» и поставлен в один ряд с такими писателями, как Гаршин, Суворин, Глеб Успенский, Плещеев, Майков [см.: *Чехов*. С. Т. 5, с. 143]. Готовясь к поездке на Сахалин, Чехов изучал книгу Максимова «Сибирь и каторга» (1871). Последнее упоминание Чеховым старшего современника встречается в дневниковых записях 1897 года, где Максимов, наряду с Н. С. Лесковым, признается одним из знатоков «русской коренной жизни, ее духа, ее форм, ее юмора» [*Чехов*. С. Т. 17, с. 224]. Что же могло привлечь Чехова в очерке Максимова?

При чтении «Двух пустосвятов» легко убедиться, что «Встреча» Чехова практически не имеет с очерковым журнальным текстом сходства в плане содержательном, сюжетно-композиционном, жанрово-стилевом или идеологическом. Повествование у Максимова ведется от первого лица, а нарратор выступает по преимуществу в роли судии и свидетеля как прошлой, так и настоящей жизни своих героев, реальных лиц, а не вымышленных персонажей. В очерке дана развернутая характеристика одного преступника – Зыкова, на фоне другого преступника – Коренева. Они и названы «пустосвятами».

Элемент общности затрагивает лишь смысловую периферию очерка Максимова и рассказа Чехова. В очерке Максимова про главного героя сказано: «Зыков был весьма дурен; вытянутая физиономия его походила на лошадиную» [11, с. 28]. Самый яркий фрагмент из описания внешности Зыкова Чехов как раз и использовал в качестве эпиграфа к своему произведению: «А зачем у него светящиеся глаза, маленькое ухо, короткая и почти круглая голова, как у самых свирепых хищных животных?» [*Чехов*. С. Т. 6, с. 117]. Вслед за очеркистом Чехов акцентирует аномальный облик своего героя, который связан с медицинским аспектом рассказа.

Во «Встрече» у Кузьмы Шквореня, как и у героя очерка Максимова, тоже странная физиономия:

«Ефрем раньше во всю свою жизнь не видал таких лиц. Бледное, жидковолосое, с выдающимся вперед подбородком и с чубом на голове, оно в профиль походило на молодой месяц; нос и уши поражали своей мелкостью, глаза не мигали, глядели неподвижно в одну точку, как у дурачка или удивленного, и, в довершение странности лица, вся голова казалась сплюснутой с боков, так что затылочная часть черепа выдавалась назад правильным полукругом» [*Чехов*. С. Т. 6, с. 118].

Подробное описание внешности героя воспринимается как не вполне чеховское. Писатель в большинстве случаев предпочитал давать «осколочные» портреты с помощью деталей, рассредоточенных в тексте. Думается, что во «Встрече» Чехов следовал за поэтикой очерка, в котором, как правило, представлялся более или менее цельный подробный портрет героя, реального человека. В одном из писем к А. С. Суворину, делая замечания по поводу его романа «В конце века. Любовь», Чехов, в частности, заметил: «Да и кажется мне, что портреты живых могут украшать лишь газетные и журнальные статьи, но не повести» [Чехов. П. Т. 5, с. 90]. Портрет преступника Зыкова, реального человека, как раз и «украшает» журнальный очерк Максимова. Художественная литература иначе представляет героя, чем публицистика. Кузьма Шкворень – не реальное лицо, а характер, тип, образ, поэтому Чехов вроде бы и идет вслед за очерком Максимова, создавая странный портрет своего героя, но вместе с тем своеобразно перерабатывает его, меняя форму представления. Внешность Шквореня дана в восприятии другого героя, Ефрема, а не безличного повествователя. Внимание привлекает, прежде всего, странная конфигурация маленького черепа Кузьмы, данная в трех проекциях: анфас, профиль и сзади. Создается впечатление, что на какое-то время перо у беллетриста забирает врач, собирающий анамнез болезни своего пациента.

Слова, взятые Чеховым для эпиграфа, по своему вкусу и тону выпадают из публицистического дискурса в очерке Максимова. Портрет пустосвята Зыкова в большей степени «художественный», чем «очерковый». Видимо, Чехов, обладавший тонким чувством слова, это заметил. Если Максимов включает в публицистический очерк элементы художественные, то Чехов в контекст своего рассказа – элементы очерковые, тяготеющие к медицинским. На наш взгляд, именно в этом ракурсе следует рассматривать функцию эпиграфа к рассказу «Встреча». Варианты, когда в очерки включается художественное начало, в практике Чехова неоднократно встречаются. Так, цикл очерков «Из Сибири» начинается сразу с диалога героев, т. е. сильная текстовая позиция задается по принципам художественного произведения, а не публицистического:

– Отчего у вас в Сибири так холодно?

– Богу так угодно! – отвечает возница [Чехов. С. Т. 7, с. 14–15].

Рассказ «Встреча», цикл «Из Сибири», да и книгу «Остров Сахалин», при всех их очевидных различиях, можно рассматривать как опыты Чехова по интерференции художественного, публицистического и медицинского

дискурсов, в результате чего происходило их комбинирование, взаимодействие и взаимовлияние.

Максимов выговаривает о судьбе преступного Зыкова всё до конца: «... на каторге он не исправился. Он всё тот же и теперь, каким был и в то время, когда тянули его за язык, именно в страшный день безжалостного убийства, над неостывшим еще трупом его жертвы» [11, с. 37]. Автор очерка считает «исправление» важным условием пребывания человека на каторге. Зыков сравнивается с другим преступником, вторым пустосвятом. Это некто Коренев, загубивший 18 душ. И хотя Зыков убил только одного человека, а второй является серийным убийцей, предпочтение отдается Кореневу, а не Зыкову. Нарратор прямо объясняет свое отношение: «Я всегда был твердо убежден, что из Коренева, при благоприятных условиях жизни, всегда мог выйти человек, хоть на что-нибудь годный; Зыков – безнадежно неисправим. Счастлива вся наша русская каторга именно тем, что таких отвратительных личностей попадает на ней очень мало» [11, с. 42]. Чехов опосредованно, через интертекст, будет полемизировать с очерком Максимова и авторской позицией, выраженной в нем.

У рассказа Чехова обнаруживаются ближний и дальний историко-культурные контексты. «Два пустосвята» Максимова, наряду с теорией непротивления Толстого, отразившейся в ряде его произведений, составляют ближний контекст.

Рассказ «Встреча», наряду с такими произведениями Чехова, как «Нищий», «Хорошие люди», «Казак», «Письмо», «Пари», обычно относят к так называемым «толстовским» рассказам писателя [см.: 4, с. 54; 16, с. 261]. Действительно, во «Встрече» ощутимо влияние этической системы Л. Н. Толстого. Один из главных героев рассказа, крестьянин Ефрем Денисов, по выражению В. Я. Лакшина, «этот чеховский Платон Каратаев» [9, с. 30], собирающий с мира деньги на погоревший храм, на практике воплощает взгляды, близкие толстовской теории непротивления злу насилием. Однако в рассказе Чехова важным компонентом рассказа является не всегда принимаемый во внимание дальний медицинский аспект, отразившийся на образах героев.

Напомним часто цитируемый фрагмент из автобиографии Чехова, где он писал:

«Не сомневаюсь, занятия медицинскими науками имели серьезное влияние на мою литературную деятельность; они значительно раздвинули область моих наблюдений, обогатили меня знаниями, истинную цену которых для меня как для писателя может понять только тот, кто сам врач;

они имели также и направляющее влияние, и, вероятно, благодаря близости к медицине, мне удалось избежать многих ошибок. Знакомство с естественными науками, с научным методом всегда держало меня настороже, и я старался, где было возможно, соотноситься с научными данными, а где невозможно – предпочитал не писать вовсе» [Чехов. С. Т. 16, с. 271].

«Встреча» дает хорошую возможность показать, как Чехов старался «соотноситься с научными данными».

Психиатрия интересовала Чехова больше, чем любая другая медицинская отрасль. Т. Л. Щепкиной-Куперник он советовал: «Изучайте медицину, дружок, если хотите быть настоящей писательницей. Особенно психиатрию. Мне это много помогло и предохранило от ошибок» [17, с. 317]. Важное свидетельство зафиксировано в мемуарах И. И. Ясинского:

«Вы мне как-то рассказывали о каком-то адвокате, – признался мне Чехов, – который страдал тем, что мушкетер (летающие перед глазами мушки) разрасталась по временам в целую призрачную тень. <...> Я подложил под этот факт медицинскую теорию. Вообще, меня крайне интересуют всякие уклоны так называемой души. Если бы я не сделался писателем, из меня вышел бы психиатр, но должно быть второстепенный, а я психиатром предпочел бы стать первостепенным» [18, с. 268].

Во «Встрече» под сюжетную фактологию Чехов тоже «подложил медицинскую теорию». Она связана с проблемами как психологии, так и психиатрии.

Русская психиатрия в 80-е годы XIX века переживала взрывной рост. Одним из ее основателей был Сергей Сергеевич Корсаков (1854–1900). В феврале 1887 года в «Вестнике клинической и судебной психопатологии и неврологии» выходит его первая большая печатная работа «Расстройство психической деятельности при алкогольном параличе и отношение его к расстройству психической сферы при множественных невритах неалкогольного происхождения» [см.: 5, с. 1–102]. В том же 1887 году Корсаков опубликовал статью «К учению о патогенезе "атрофического спинального паралича" и "множественного неврита"» [см.: 6, с. 16–38]. В сокращенном варианте материал статьи в качестве доклада был прочитан на Втором съезде русских врачей, заседания которого Чехов посещал.

Ряд деталей в описании поведения Кузьмы Шквореня имеет научную медицинскую основу, которая соотносится с работами Корсакова. При этом медицинский субстрат в рассказе передан средствами художественного дискурса. Особо подчеркнем, что в произведениях Чехова мы находим не болезни героев как таковые, а художественные образы болезней, имеющие

опору в научных исследованиях. Уже после смерти писателя критик М. О. Меньшиков писал о симбиозе у него медицинского и художественного начал: «... Чехов в медицинское свое суждение влагал частичку тонкой художественной проницательности, и думаю, что он был прекрасным диагностом» [1, с. 237]. Слова критика можно инвертировать, сказав в свою очередь, что в художественные суждения Чехов умел вложить тонкую медицинскую проницательность. Скорее всего, для Кузьмы Шквореня наиболее адекватным будет «диагноз» алкогольного паралича, полно описанный Корсаковым в его диссертации «Об алкогольном параличе», защищенной на степень доктора медицины в том же 1887 году:

«Болезнь эта развивается большею частью у лиц, в продолжение долгого времени злоупотреблявших спиртными напитками, и притом большею частью тех из них, у кого существует невропатическое предрасположение. <...> Вслед за действием того или другого повода болезнь открывается обыкновенно в сфере головного мозга; то это приступ галлюцинаторной спутанности, вроде белой горячки, то характерное расстройство памяти, то просто возбуждение и бессонница» [7, с. 4].

Алкоголизм Кузьмы Шквореня очевиден. Украденные у Ефрема деньги он попросту пропивает в кабаке: «Чай... чай пил, – выговорил он сквозь смех. – Во... водку пил!» [Чехов. С. Т. 6, с. 124]. Некоторые детали, характеризующие поведение героя, его речь, крупную моторику, соотносятся с положениями научных медицинских статей: «Лежал мужик непокойно: всё время, пока рассматривал его Ефрем, он дергал то руками, то ногами, точно его донимали комары или беспокоила чесотка» [Чехов. С. Т. 6, с. 118]. Переводя художественный дискурс в медицинский, можно сказать, что автор отмечает у героя гиперкинез, т. е. патологические, произвольные судорожные движения. Ср. у Корсакова: «... иногда поражение периферических нервов не доходит <...> до такой степени, чтобы проявляться в параличах, а проявляется только в форме атаксии (neuro-tabes) или неврастении, о которой мы упоминали, говоря об алкогольном отравлении» [6, с. 20]. У Шквореня явно нарушена моторика, координация движений: «Кузьма шел рядом и слушал. Был он трезв, но шел точно пьяный, размахивая руками, то сбоку телеги, то впереди...» [Чехов. С. Т. 6, с. 120]. У Кузьмы страдает не только двигательная сфера, но также и речь, патологически изменена эмоционально-волевая сфера.

Можно найти и другие психические и поведенческие девиации у Кузьмы Шквореня, которого простой мужик Ефрем, старающийся жить по христианским заповедям, просто не понимает, как не понимает Ефрема в

свою очередь и Кузьма, но совсем по другой причине. Приведем фрагмент разговора Ефрема с Кузьмой:

– Несообразный ты... Какой-то ты такой, бог тебя знает...

– А что?

– А то... На настоящего человека не похож... Зубы скалишь, болтаешь непутевое, да вот из арестантской идешь... [*Чехов. С. Т. 6, с. 123*].

Создавая «Встречу», Чехов должен был решить сложную проблему: показать патологически измененное сознание героя и при этом оставаться в границах художественного дискурса. Изображение больного должно было балансировать между точным клиническим описанием его и беллетристическим повествованием. Через несколько лет в письмах к А. С. Суворину и Е. М. Шавровой Чехов сформулирует своего рода закон, позволявший ему определять, что годится для литературы, а что нет: «Больных много, но всё это материал, интересный для психиатра, а не для психолога», – пишет он Суворину [*Чехов. П. Т. 5, с. 296*]. Шавровой: «Лично для себя я держусь такого правила: изображаю больных лишь постольку, поскольку они являются характерами или постольку они картинны» [*Чехов. П. Т. 6, с. 30*]. Одним из аргументов против включения рассказа в собрание сочинений Маркса был, возможно, как раз перевес психиатрического начала в образе Кузьмы Шквореня по отношению к психологическому, художественному.

Даже по прошествии почти четверти века после «Встречи» некоторые исследователи будут отмечать повышенную значимость медицинского начала в ряде произведений Чехова. Так, Д. Н. Овсянко-Куликовский писал, что в драме «Иванов» «вторжение медицинской точки зрения в искусство противоречит устоявшимся у нас литературным понятиям и вкусам» [12, с. 100].

Всегда ли искусство идет вслед за наукой? Чехов считал, что иногда в роли первопроходца оказывается не наука, а как раз искусство. В феврале все того же 1887 года, т. е. перед созданием «Встречи», в черновике письма к Д. В. Григоровичу Чехов сделал важное замечание, отметив «способность художников опережать людей науки» [*Чехов. П. Т. 2, с. 360*]. Такое заключение могло возникнуть у Чехова в том числе и в результате посещения им ученых заседаний съезда врачей.

Представив в очерке два типа преступников, Максимов не пытался дать ответа на вопрос, почему Зыков остался таким же, как и прежде, почему не произошло его «исправления» на каторге? За очеркиста отчасти это делает Чехов. Максимов не находит ответа, потому что он лежит в сфере

компетенции не столько писателя, сколько клинициста и диагноста. Доктор Чехов диагностирует Кузьму Шквореня, а через него и Зыкова, как людей с искаженной психосоматикой, которую невозможно изменить в силу ее органичности, а потому и «исправление» преступника, которое хотел бы видеть Максимов, невозможно. Больную личность надлежит в первую очередь лечить, а не исправлять.

Дополнительное значение произведения Максимова связано с тем, что его очерк играет роль отсылки к месту его публикации, к конкретному номеру конкретного журнала. В том же февральском номере «Русской мысли» за 1887 год, под одной обложкой с «Двумя пустосвятами», опубликована большая статья «Экскурсии в область психиатрии». Автором ее был русский философ-позитивист Владимир Викторович Лесевич (1837–1905). Он окончил Инженерное училище, потом обучался в Генеральном штабе. Поэтому статья его по условиям образования, а также по месту своей публикации является не строго научной, а научно-популярной, реферативной. В этом ее отличие от медицинских работ Корсакова. Есть основания полагать, что при написании «Встречи» Чехов воспользовался и материалом статьи Лесевича. Прочитав в журнале очерк Максимова, что не подлежит сомнению, вряд ли Чехов оставил без внимания помещенную в том же номере статью об остро интересовавшей его психиатрии.

Автор «Экскурсий в область психиатрии» утверждает, что «психическая дегенерация, выражающаяся в разного рода психических болезнях <...>, всегда почти имеет и внешнее выражение или, как говорит Морель, свой "типический отпечаток"» [10, с. 13]. За странной внешностью Зыкова из очерка Максимова стоит традиция очерковой фактографичности и правдоподобия. За странной внешностью чеховского Шквореня – стремление автора передать обобщенный и вместе с тем конкретный образ психически нездорового человека. При этом Чехов соотносится с научными данными, даже отчасти стилизует язык науки («затылочная часть черепа»), оставаясь при этом в рамках беллетристики. Возможно, Чехов использовал материал статьи Лесевича как ближайшую (а главное – доступную для широкой читательской аудитории) научную базу для изображения психики и поведения Кузьмы Шквореня.

Статья «Экскурсии в область психиатрии» является еще одним источником интертекстуальных связей для рассказа Чехова. Так, Лесевич пишет:

«Существует род мании, встречающейся весьма нередко, проявления которой почти тождественны с проявлением легкого опьянения. Больной

обнаруживает известную степень возбужденного состояния, мысли его текут с большой быстротой, но связываются между собою не столько логическою или естественною ассоциацией, сколько разнообразными душевными волнениями данного момента или какою-нибудь случайной связью, например, сходством слов и т. п. Речь больного становится, таким образом, если не бессвязною, то непоследовательною. Больные этого рода большею частью лукавы и злонамеренны. Хотя они и не способны к сдерживанию своих импульсов, но могут, однако же, как то нередко случается с пьяными, скрытничать и вести речь так, что невозможно становится отличить их от здоровых» [10, с. 17].

Ср. в рассказе: «Был он трезв, но шел, точно пьяный, размахивая руками, то сбоку телеги, то впереди...» [Чехов. С. Т. 6, с. 120]. «Ни на минуту не умолкая, он рассказывал опять про людей, живущих в свое удовольствие, про арестантскую и немца, про острог, одним словом, про всё то, о чем рассказывал вчера» [Чехов. С. Т. 6, с. 129]. Так Чехов осуществляет «перевод» с научно-популярного дискурса на художественный дискурс.

Для многих сюжетных ходов рассказа Чехова в статье Лесевича отыскиваются смысловые параллели. Так, легкий переход Шквореня от цинизма к раскаянию по поводу своей кражи и возврат к исходному состоянию находит такое обоснование у публициста: «Смотря по возбуждающим их мотивам, для них и порок, и добродетель могут быть одинаково доступны» [10, с. 15].

Одним из признаков психически нездорового человека может быть его явно выраженное астеническое телосложение. (Позже эта проблема будет подробно разработана в книге Эрнста Кречмера «Körperbau und Charakter» [«Строение тела и характер» – нем.], вышедшей в 1921 году). Чехов передает астеничность героя средствами беллетристики, с помощью фамилии Кузьмы – Шкворень. По Далю, слово «шкворень, южнорусского происхождения, и обозначает "болт, штырь, сердечник, курок, стержень"» [3, с. 625]. Ср. в рассказе – «длинноногий мужик лет 30-ти» [Чехов. С. Т. 6, с. 118]. Скорее всего, Шкворень – это кличка, отражающая телосложение героя и ставшая его фамилией.

В каких случаях Чехов актуализировал свое сознание именно доктора, диагноста? Прежде всего, в тех случаях, когда ему приходилось иметь дело с нездоровыми людьми, когда к нему обращались за медицинской помощью. Суворину Чехов как-то написал, что для того характерна «привычка глядеть на всё оком публициста» [Чехов. П. Т. 3, с. 70]. Чехов же на многие вещи и на людей даже вне своей врачебной практики смотрел оком доктора. Взгляд его,

врача и писателя, в начале 1887 года был направлен на своих старших братьев, Александра и Николая. Подобно тому, как художник подбирает для картины натурщиков, чтобы затем в художественно преображенном виде перенести их на своё полотно, так и у Чехова были свои «натурщики».

Обратимся к событиям февраля и марта 1887 года, предшествовавшим созданию рассказа. 8 марта, получив телеграмму о болезни Александра, Чехов выезжает в Петербург, где в это время свирепствовал тиф. Едет он и как брат, и, конечно, как доктор. 10 марта сообщает родным: «Ехал я, понятно, в самом напряженном состоянии. Снились мне гробы и факельщики, мерещились тифы, доктора и проч. <...> Александр абсолютно здоров. <...> У Анны Ивановны (гражданская жена брата. – А. К.) настоящий брюшной тиф, но не тяжелый. <...> Мне страшно» [Чехов. П. Т. 2, с. 35–36]. 11 или 12 марта к сестре пишется отдельное письмо, в котором открываются дополнительные детали: «Александра с его упавшим духом и склонностью к шофе оставить нельзя до выздоровления его барыни. <...> Алекс<андр> здоров. Я проехался напрасно. <...> Пока вообще скверно. Чувствую <себя> висящим между небом и землей» [Чехов. П. Т. 2, с. 37].

Рассказ «Встреча» явно писался под впечатлением встречи с братом и его семьей и далеко не в добром расположении духа. О своем состоянии Чехов пишет Ф. О. Шехтелю в тот же день, что и сестре: «Вам, конечно, уже известно, что обстоятельства самого поганого и ерундистого свойства неожиданно-негаданно погнали меня на север. Вообще мне везет... <...> Нервы расстроены ужасно, так что пульс мой бьет с перебоями» [Чехов. П. Т. 2, с. 37]. Однако вскоре настроение меняется, что отражает письмо к родным, написанное 13 марта: «Сим извещаю, что я жив и здоров и тифом не заразился. Сначала я хандрил, ибо скучал и страшился безденежного будущего, но ныне чувствую себя положительно и с характером» [Чехов. П. Т. 2, с. 38]. Последние слова бытовали в семейном словаре Чеховых, они передают возвращение писателя к привычной легкой ироничности, свидетельствующей о нормализации его духа.

Отголосок бывшего раздражения и даже злости будет звучать в первом письме к Александру после возвращения Чехова из Петербурга в Москву. Оно начинается с грубого и резкого обращения к брату: «Ничтожество!» [Чехов. П. Т. 2, с. 44]. Однако вскоре другое свое письмо Чехов начнет совсем иначе, передавая свое скрытое покаяние: «Душа моя!» [Чехов. П. Т. 2, с. 55].

В Кузьме Шкворене, который является гибридным, композитным образом, несомненно, есть элементы, списанные с Александра как одного из

«натурщиков». Особенно они заметны в финале рассказа, данном в форме безличного объективного повествования:

«Ни на минуту не умолкая, он рассказывал опять про людей, живущих в свое удовольствие, про арестантскую и немца. Про острог, одним словом, про всё то, о чем рассказывал вчера. И он хохотал, всплескивал руками, благоговейно пятился, точно рассказывал что-нибудь новое. Выражался он складно, на манер бывалых людей, с прибаутками и поговорками, но слушать его было тяжело, так как он повторялся, то и дело останавливался, чтобы вспомнить внезапно потерянную мысль и при этом морщил лоб и кружился на одном месте, размахивая руками. И как он хвастал, как лгал!» [Чехов. С. Т. 6, с. 129].

Обратим внимание на безличное предложение в составе сложного. Предшествующий текст дает основания утверждать, что *слушать было тяжело* Ефрему. Но не только ему. Безличная форма позволяет этот эмоционально-оценочный фрагмент связать в том числе и с автором, занимающим позицию вненаходимости по отношению к художественному миру рассказа, а также с биографическим автором, реальным человеком. Завершающее текстовый фрагмент предложение с риторическим восклицанием тоже оказывается двунаправленным: как на героя рассказа, так и на связанный с ним прототип. В акте творческой сублимации Чехов дает выход своему негодованию на недостойное поведение брата. Кроме того, «Встреча» позволяет увидеть, как в прозе Чехова формировался свободный косвенный дискурс, отличающийся как от перволичного нарратива, так и от безличного, аукториального.

Второй брат Чехова, Николай, был похож на Александра во многих отношениях – лживостью, беспутностью, склонностью к злоупотреблению алкоголем. Ср. в письме Чехова от 22 или 23 февраля 1887 года: «Николай уже три дня живет у меня. Уверяет, что разошелся со своим бергамотом (ироническое именование сожительницы Николая. – А. К.), и корчит из себя влюбленного в Наденьку. Ежеминутно толкует о женитьбе и собирается к Малышеву. Как это ни пусто, но перемена в нем заметна громадная. Рисует он превосходно, пьет сравнительно немного и о Шостаковском не говорит» [Чехов. П. Т. 2, с. 33].

Хроническая алкогольная интоксикация обоих братьев – важный компонент имплицитного биографического фона рассказа, дает добавочные основания говорить об алкогольном параличе как научной основе образа болезни Кузьмы Шквореня.

Заголовок «Встреча» может быть истолкован двояко: и как отражение структурообразующего хронотопа рассказа, и как отголосок реальной

встречи Чехова с братом Александром в марте 1887 года. Куда более жесткой и даже жестокой оказывается другая оценка братьев писателя, которая возникает при отсылке к очерку Максимова – «Два пустосвята». Напомним, что пустосвят означает ханжу, лицемера, суетного человека. Быть может, не без влияния заглавия журнального очерка в письме с характеристикой Николая возникла показательная оговорка – *как это ни пусто*.

Подведем итоги. Максимов, размышляя о судьбе своих героев, оказался не способен подняться до глубокого обобщения рассматриваемого им явления, остался в рамках очерковой фактографичности и фотографичности. Лесевич, не являясь практикующим врачом, в научно-популярной реферативной статье не иллюстрирует медицинские выкладки образцами из современной русской жизни. Чехов в известной степени преодолевает ограниченность обоих авторов. Он опирается на научные достижения психиатрии, воплощенные в медицинских трудах Корсакова и парамедицинской работе Лесевича, и вдобавок к этому имплицитно подключает факты биографического характера. Художественный дискурс оказывается способен к переработке и синтезированию весьма разнородного дискурсивного материала.

«Встреча» представляет собой образец выдвижения рассказа на пограничную полосу с другими жанрами и дискурсами. Быть может, одна из самых трудных задач для Чехова заключалась в том, чтобы не перейти невидимой границы, осваивая опыт и содержательные возможности очерка, медицинских научных текстов и научно-популярной статьи, соблюсти во всем меру и остаться при этом в рамках беллетристики. Гетерогенные дискурсы в пространстве рассказа подвергались «снятию», включаясь в текст произведения в форме «рассеянного разноречия» (по М. М. Бахтину). В дальнейшем приобретенный писателем опыт по интериоризации и транспозиции публицистического, научного и биографического материала в ткань художественного текста будет совершенствоваться в «Скучной истории», «Дуэли», «Черном монахе» и во многих других произведениях.

Список литературы

1. Антон Чехов и его критик Михаил Меньшиков: Переписка. Дневники. Воспоминания. Статьи / сост., статьи, подгот. текстов, примеч. А. С. Мелковой. М.: Русский путь, 2005. 480 с.
2. Богданов К. А. Врачи, пациенты, читатели. Патографические тексты русской культуры XVIII–XIX веков. М.: ОГИ, 2005. 504 с.
3. Даль В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. Репр. изд. 1882: в 4 т. Т. 4. М.: Русский язык, 1990. 685 с.

4. Катаев В. Б. Литературные связи Чехова. М.: Изд-во МГУ, 1989. 261 с.
5. Корсаков С. С. Расстройство психической деятельности при алкогольном параличе и отношении его к расстройству психической сферы при множественных невритах неалкогольного происхождения // Вестник клинической и судебной психопатологии и неврологии. 1887. Т. 4. Вып. 2. С. 1–102.
6. Корсаков С. С. К учению о патогенезе «атрофического спинального паралича» и «множественного неврита» // Архив психиатрии, неврологии и судебной психопатологии. Харьков, 1887. Т. IX. Ч. 1. С. 16–38.
7. Корсаков С. С. Расстройство психической деятельности при алкогольном параличе. М.: URSS, 2010. 164 с.
8. Кошелев В. А. «Человек без селезенки» // «В человеке всё должно быть прекрасно...»: сборник статей в честь 50-летия научно-педагогической деятельности Г. А. Пучковой / Арзамасский гос. пед. ин-т им. А. П. Гайдара. Арзамас, 2011. С. 52–63.
9. Лакшин В. Я. Толстой и Чехов. М.: Советский писатель, 1976. 456 с.
10. Лесевич В. Экскурсии в область психиатрии. 1. О психическом вырождении // Русская мысль. 1887. № 2. С. 1–34. (вторая пагинация).
11. Максимов С. Два пустосвята (Из воспоминаний) // Русская мысль. 1887. № 2. С. 18–42.
12. Овсяннико-Куликовский Д. Н. Собр. соч.: в 9 т. Т. 9. История русской интеллигенции. Ч. 3. 80-е годы и начало 90-х. СПб.: Прометей, 1909–1911. 224 с.
13. Письма А. П. Чехову его брата Александра Чехова. М.: Соцэкгиз, 1939. 567 с.
14. Русская литература и медицина. Тело, предписания, социальная практика: сб. статей / под ред. К. Богданова, Ю. Мурашова, Р. Николози. М.: Новое издательство, 2006. 304 с.
15. Целебное творчество Чехова: размышляют медики и филологи / под ред. М. Е. Бурно, М. Е. Воскресенского. М.: Российское общество медиков-литераторов, 1996. 51 с.
16. Чудаков А. П. Мир Чехова. М.: Советский писатель, 1986. 384 с.
17. Щепкина-Куперник Т. Л. Дни моей жизни. М.: Федерация, 1928. 327 с.
18. Ясинский И. И. Роман моей жизни. М.; Л.: Государственное издательство, 1926. 360 с.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 21-18-00481, ИРЛИ РАН, «Русские писатели и медицина: биографические и литературные "пересечения" (1820–2020)».